

РЕФЕРАТЫ

Горбунова Е.М.¹

Саймон Лок

Социология и общественное восприятие науки: от рационализации к риторике.

Simon Locke²

Sociology and the public understanding of science: from rationalization to rhetoric // The British Journal of Sociology. Vol. 52. No. 1. March 2001. pp. 1 - 18.

Тема работы Саймона Лока – пересмотр социологических теорий современности, начатый в рамках социологии научного знания. Основная проблема состоит в том, что теории современности продолжают разделять те предположения о сущности и природе науки, которые опровергают социологи научного знания. При этом упомянутые теории включают в предмет своего изучения не только те или иные конкретные гипотезы о том, что же представляет собой наука, но и то, как ее воспринимает общественное мнение.

«Социологи обычно оценивали отношение общества к науке как «рационализованное», используя это понятие в качестве основы для дальнейшего теоретизирования по поводу видимых социальных изменений и тех процессов, которые, по их словам, оказывают влияние на современное общество. В рамках такого подхода наука рассматривается как универсальная целостность, выражение чисто технического знания, свободного от индивидуальных оценок или влияния групповых интересов. Этот образ преобладает в современном обществе, поскольку ментальность обычного человека сама есть продукт процесса рационализации, в котором наука является и продуктом, и производителем» (р. 2). Однако усиление общественного скептицизма по отношению к науке заставляет усомниться в справедливости и обоснованности подобного взгляда.

Обе стратегии, предложенные для решения этой проблемы, – теории постмодернизма и теории общества риска – также исходили из присущей индивиду рационализованности. Саймон Лок придерживается противоположной точки зрения: он считает, что отношение общества к науке всегда характеризуется некоторой амбивалентностью, наличием дилеммы, конфликта между универсалистскими претензиями науки и сущностью научного знания как результата работы конкретных людей в определенном месте и в определенное время.

Вебер: рационализация как принцип

По мнению Макса Вебера, форма универсально значимого знания может возникнуть благодаря рационализации. Он утверждает, что люди в современном (ему) обществе мыслят, в определенном смысле, научно, иначе говоря, смотрят на мир с определенной когнитивной перспективы – материальной и рациональной, достигая этого с помощью технической калькуляции. Социология, по Веберу, может быть универсальной, поскольку включает в себя – идеально-типически и асимптотически – такую характеристику действия, которая в той или иной степени присутствует во всех формах социального действия, а именно целерациональность. Более того, эта характеристика становится доминирующей вследствие исторического процесса рационализации, происходящего в базовых сферах общества – экономической, административной, эстетической и когнитивной. При этом параллельно, как

¹ Горбунова Екатерина Михайловна, аспирантка Государственного университета гуманитарных наук при Институте социологии РАН.

² Simon Locke. School of Social Science, Kingston University.

© Центр фундаментальной социологии, 2002 г.

© Горбунова Е., 2002 г.

следствие, уменьшается влияние других аспектов человеческого существования: по словам Хабермаса, «коммуникативное» стремительно «колонируется» «техническим». «Наука как одно из воплощений технического образа действия начинает доминировать, будучи отражением общих процессов, и может претендовать на универсальную валидность на том основании, что социальные действия конкретных ученых, их характер и способы поведения стремительно приближаются к идеально-типической форме технического поведения в сфере производства знания» (р. 4).

С этими рассуждениями связана и категория «расколдовывания» (disenchantment). Вебер разрешает дилемму науки риторическим конструированием «современного разума», который предполагает процедуру «расколдовывания» (несмотря на то, что у «современного разума» могут быть абсолютно различные эмпирические референты). Другими словами, Вебер пытается склонить социальных ученых к нормативному обязательству на основании описания; они должны вести себя, исходя из того, каковы вещи есть на самом деле. Для придания своим выводам большей убедительности и для легитимации морально-оценочных суждений Вебер использует прием обобщения. «Представляя это просто как описание того, какова социальная реальность на самом деле, Вебер вовлекает нас в “упражнение” по риторическому творчеству: как *сделать (создать)* таким образом социальную реальность» (р. 5).

Пусть будет рационализация

С ростом общественного сомнения в возможностях науки, естественно, предпринимались попытки объяснить этот феномен. Было предложено два варианта: 1) критика науки рассматривается как реакция против рационализации; 2) такая критика является «продуктом» рационализации, своего рода следствием второго уровня – «рационализацией в квадрате» [rationalization squared]. Первая позиция находит свое отражение в рамках непрекращающихся споров между представителями науки и религии; вторую обычно связывают с концепциями инвайронментализма и риска. Сторонники первой позиции рассматривают модернизацию как длительный и продолжающийся процесс; сторонники второй придерживаются идеи исторической непоследовательности (discontinuity).

Первая точка зрения наиболее полно раскрыта в работах теоретиков Франкфуртской школы, придающих понятию рационализации большое значение. Понятие «обычного человека» в капиталистическом обществе – основная проблема и единственное решение для марксизма. С одной стороны, обычный человек является жертвой (обмана) капиталистической идеологии, с другой – он олицетворяет надежду на новое общество, поскольку его сознание формируется в процессе борьбы с властью капитала. Рационализация позволяет решить эту дилемму, так как не отрицает у обычного человека способности мыслить. В то же время процессы формирования сознания анализируются как отражение материальных форм организованного производства; сознание, таким образом, предстает как укорененное в определенном типе социальной организации.

По мнению Хабермаса, в современном обществе мы можем наблюдать двойственный процесс: хотя когнитивная рационализация и способствовала обесцениванию так называемых традиционных убеждений, систематическая логика современности не в состоянии обеспечить им альтернативу, поскольку наука оказалась оторванной от публичной сферы.³ Как следствие, средства критики, предъявляемой науке, – требования валидности и ее проверка, достижение консенсуса с помощью аргументации, становятся недоступными широкой публике, которая вынуждена держаться за устаревшие убеждения.

Исследования работ креационистов (creation scientists, creationists) (протестантских фундаменталистов, отвергающих теорию эволюции в пользу теории происхождения,

³ Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System, a Critique of Functionalist Reason. Cambridge: Polity, 1987.

описанной в Книге Бытия) показывают, что для достижения определенных религиозных интересов они используют такие же техники и стратегии аргументации, которые обычно приписывают ученым (например, применение пассивных (*passive voice*) грамматических конструкций для придания написанному или сказанному объективного характера). Именно такое свойство современности, как риторичность, разделяющее научное и социальное, делает возможным креационизм как течение.

«Рационализация в квадрате»

По мнению Саймона Лока, единственным исследованием особенностей общественного отношения к науке в эпоху постмодерна является работа С. Крука и др.⁴ Авторы подчеркивают «амбивалентность» восприятия обществом науки в зависимости от степени «близости» к этой сфере тех или иных социальных групп. Тем не менее, основная тема работы – рациональность. Как утверждают исследователи, в современном обществе, развитие систем научного и технологического (в позитивистском смысле) знания усиливает значимость последнего как основания для действия (деятельности). Эти системы вытесняют религиозное знание, способствуя «интеллектуализации» и «демистификации» мира.

Вслед за Вебером авторы рассматривают рационализацию как процесс дифференциации ценностных сфер, превращающийся далее в «гипердифференциацию», при которой все большая фрагментация и специализация наталкиваются на современные тенденции к организации мира, что приводит к состоянию «постмодернистской множественности» (*postmodernized multiplicity*). Для науки, в частности, это означает наличие противоположных процессов: с одной стороны – организация «Большой Науки», с другой – возрастающая специализация. Научная «гиперрационализация» все в большей степени вступает в конфликт с установленными социальными нормами и фундаментальными ценностями. Если принять тезис о том, что при этом рационализация ослабляет (и разрушает) этические принципы и замещает религию, то вопрос об источнике норм и ценностей становится проблематичным.

Еще один вопрос, который может быть задан: как описать двойственное общественное восприятие науки в рамках дискуссии о рациональности? По мнению Крука, такая «амбивалентность» является неотъемлемой характеристикой (любой) современности.

«В то время как постмодернисты ищут в амбивалентности доказательство конца модернизации, представители теории “общества риска” находят в ней начало, поскольку мы вступаем сейчас в период “рефлексивной модернизации”, вызванной <развитием> науки и технологии» (р. 9). Базовое понятие здесь – «рефлексивное онаучивание» (*reflexive scientization*), предложенное У. Бекком. «С одной стороны, наука и методический скептицизм институционализированы в индустриальном обществе. С другой, скептицизм органичен (в первую очередь) внешними факторами, объектами исследования, в то время как основания (принципы) и условия научной работы остаются защищены от возникающего извне скептицизма» [Beck U. *Risk Society: Towards a new modernity* / Trans. M. Ritter, London: Sage, 1992. p. 14].

Социология научного знания

Центральным пунктом как для социологов научного знания, так и для риториков от науки (*rhetoricians of science*) является анализ устных и письменных высказываний ученых. Социологи научного знания показали, что социологический дискурс с одной стороны выражает, а с другой – анализирует дилемму науки в современном мире. Социологическая теория рассматривала науку как нечто единое и носящее внесоциальный характер, то в рамках социологии научного знания подчеркивался плюралистический и социально-обусловленный характер науки. При этом ее множественность, возникающая из-за

⁴ Crook S., Pakulski J., and Waters M. *Postmodernization: Change in Advanced Society*. London, Sage, 1992.

контекстуальной обусловленности, является изначально коммуникативной: «с точки зрения рациональной парадигмы, наука – это внесоциальная целостность, использующая однообразный технический стиль; для социологии научного знания, это социально-обусловленная множественность, “говорящая” на <разных> языках» (р. 11).

Изложим вкратце некоторые моменты, определяющие характер науки в рамках социологии научного знания. Во-первых, это акцент на контексте. Именно здесь происходит разрыв с мертоновской социологией, где предполагалось существование определенного набора норм, отделяющих науку как одну из форм социальной жизни. Социология научного знания рассматривает эти нормы как «контекстуально зависимые переменные». Странники «сильной программы» (strong programme) Б. Блор и Д. Барнс также подчеркивают контекстуальную природу научного знания и объяснения: то, что будет считаться адекватным объяснением и будет принято в качестве такового, зависит от того, что считается «нормой» в данном социальном и культурном контексте. Следовательно, социальный смысл науки становится проблемой. По словам Барнса, «мы должны стремиться “открыть” ее [науку] как часть культуры, уже определенной самими акторами» [Barnes B. *Scientific Knowledge and Sociological Theory*. London: Routledge and Kegan Paul, 1974. p. 100].

К. Кнорр-Цетина представляет науку как своего рода хаотичное «сплетение» интуитивно подразумеваемого знания, неформальных процедур и случайных практик, с незначительной долей «технической чистоты», отражаемой в научных отчетах и представляемой путем рационализации⁵.

Вопрос заключается в том, как воспринимать этот «вычищенный технический образ» науки. Один вариант – рассматривать его как профессиональную идеологию, которая скрывает реальность, состоящую из обычных людей и их материальных интересов. Другой – неважно, является ли рациональный имидж науки идеологией или нет, в любом случае такой образ провоцирует нереалистично высокие ожидания от науки, неоправдание которых вызывает резкую «антинаучную» реакцию.

На самом деле интерпретировать технический научный дискурс как идеологию, как «чистую риторику», означает принимать эпистемологическую или онтологическую первичность влияния на научное знание так называемых «социальных факторов» и тем самым восстанавливать оппозицию наука – общество. Научный дискурс следует рассматривать в качестве одного из видов риторики, части тех ресурсов, которыми ученые могут распоряжаться для обоснования своей работы. Таким образом, технический научный аппарат правильно расценивать как стратегический ресурс для аргументации, один из ресурсов, доступных ученым.

Те же рассуждения справедливы и применительно к не-ученым. Х. Коллинз и Т. Пинч называют общественность жертвами (обмана) науки, целиком попавшими под влияние «божественного колдовства». Оно порождает сильную негативную реакцию, когда оказывается, что «волшебство» ученых не способно производить «блага» – возникает своего рода дихотомический образ науки, в котором наука является либо добром, либо злом.⁶

Следует также отметить, что ученые могут использовать два противоположных способа представления науки: (1) представление результатов в обезличенном, абстрактном, беспристрастном виде, претендуя при этом на их универсальную применимость, независимо от индивидуальных действий и мыслей; (2) подчеркивание персонализированного, ограниченного во времени и пространстве, ориентированного на агента действия характера научных выводов, когда результаты зависят от конкретных человеческих действий и мотивов.

⁵ Knorr-Cetina K.D. 'The ethnographic study of scientific work: Towards a constructivist interpretation of science' in K.D. Knorr-Cetina and M. Mulkay (eds.) *Science Observed: Perspectives On the Social Study of Science*. London: Sage, 1983.

⁶ Collins H.M. and Pinch T. *The Golem: What Everyone Should Know About Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

К риторике общественного восприятия науки

Дилемма науки, выраженная в дискурсе ученых, характеризует и ее восприятие в современном обществе. «Другими словами, вскрывают противоречия научных выводов, представляя их как конкретные продукты деятельности конкретных ученых, не только сами ученые. Такая возможность есть и у всех современников» (р. 14). Вот основные причины, позволяющие придти к такому заключению.

1. Исследования креационистов показывают, что так называемые «противники науки» в своих аргументационных целях используют те же дискурсивные средства, что и ученые.
2. В других исследованиях подчеркивается не только «амбивалентность» общественности, но и ее способность активно одобрять или отрицать научные выводы в зависимости от собственных интересов. Особенно значительным представляется важность «местного знания» как основания для отрицания науки и «прагматичное» использование научных достижений и авторитета ученых, соотносясь со специфическими локальными целями.
3. Научные результаты часто представляются таким образом, чтобы избежать возможного обвинения в преследовании своих личных интересов или интересов отдельных групп людей. Например, люди сомневаются в искренности служб охраны окружающей среды, поскольку полагают, что за их добрыми намерениями может стоять просто желание реализовать свои коммерческие интересы.
4. Утверждается, что просвещенческий проект, трактуемый как основная идеология современности, носит изначально противоречивый характер. Центральными являются противоречия между свободой и властью, между самовыражением и самоконтролем и т.д. «И если эти противоречия Просвещения проявляются в повседневной жизни, то почему же нельзя применить их и к науке как служанке просвещенческой веры? И если научный дискурс организован вокруг дилеммы между требованием универсальности знания и конкретностью <ситуации> его производства, то почему это не должно найти отражения во всем обществе, в форме противостояния риториков, выдвигающих аргументы для сопротивления техническому языку науки?» (р. 15).

Риторический подход, предложенный в данной работе, позволяет «ухватить» множественность и неоднозначность общественного восприятия науки. Здесь технический язык выступает в качестве одного из доступных членам современного общества ресурсов для представления и анализа научной информации. Различие, которое проводит Бек между «первичным» и «вторичным онаучиванием», предстает как различие между доступными риторическими ресурсами. Так, их изучение становится задачей социологов: каким образом и с помощью каких риторических средств члены общества отвечают на техническую риторику науки.